

Ван Юаньци лукаво сверкнул глазами:

— Князь — особа высочайшей крови, негоже ему, как какому-то деревенскому грубияну, орудовать копьём или мечом. Его сиятельство будет планировать и вершить судьбы, не выходя из столицы. Ему и на поле боя-то выходить незачем, а победа будет вернее любой битвы! Уж он устроит так, что этим головорезам не видать возврата!

Я фыркнула:

— Брось! «Его сиятельство»? Шестой брат ещё молокосос! Ступай назад и передай Ли Жую: пока дело за словами, я его «сердечности» не верю. Да и с чего это он вздумал отправить тебя толковать о династическом браке?

Ван Юаньци расплылся в улыбке:

— У раба, конечно, талантов не водится, кроме верности. Князь и ценит во мне эту преданность, потому и доверяет передавать любые речи. Ваше высочество, не гнушайтесь рабом: стоит мне рот закрыть — никто и слова от меня не добьётся!

Не успел он договорить, как сзади раздался смех Ли Жуя:

— Велел тебе передать словечко, а ты у Эрнян форсуешь! Эрнян не в пример моему терпению: рассердится — живо на палках отправит. Смотри у меня!

Завидев Ли Жуя, Ван Юаньци засеменял поклонами, сияя, словно осенняя хризантема:

— Раб приветствует князя! Осмелюсь не согласиться с вами: кто во дворце не ведаёт, что принцесса Чанлэ — сама доброта и премудрость?

Ли Жуй ткнул в его сторону пальцем, обращаясь ко мне:

— Видишь, Сыцзы? Негодник третий день без взбучки — уже про тебя судачит. Ишь не бьётся!

Я поняла, что он дурачится, чтобы меня развеселить, и на сердце потеплело.

— Он же меня хвалит, а ты велишь бить. Это у тебя какие такие мысли? Я тебя не послушаюсь — не то что бить, а ещё и наградить его надобно!

Ли Жуй, видя мою улыбку, и сам расплылся в глуповатой усмешке. Хозяин и слуга завели свою обычную шутовскую перепалку, дурача меня, пока я не наградила Ван Юаньци изрядным количеством шёлка. Тогда я махнула рукой:

— Поняла я всё! Сговорились вы оба, чтобы меня обобрать. Только что матушка пожаловала мне шёлка на платья, а вы его всюду раздаёте. Не буду я с вами больше говорить!

Ли Жуй, хихикая, отпустил Ван Юаньци, а затем обернулся ко мне с серьёзным видом:

— Сыцзы, мне нужно с тобой поговорить.

Увидев его озабоченное лицо, я тоже насторожилась:

— Что такое, шестой брат? Неужто потом отец с матушкой что-то ещё сказали?

Ли Жуй опешил:

— Отец с матушкой только отчитывали нас, больше ничего.

Я удивилась:

— Тогда о чём речь?

Ли Жуй сказал:

— Я хотел попросить тебя прикрыть меня. Завтра я собираюсь выйти из дворца, и мне нужно, чтобы ты сказала отцу с матушкой, будто мы с тобой весь день читали в Чертоге Чжуцзин. Главное — чтобы никто не прознал.

Я изумилась:

— Что ж ты сам-то не выйдешь? К чему мне прикрывать?

Ли Жуй заволновался:

— Если прошу прикрыть, значит, причина есть!

Я упёрлась:

— Скажешь — сделаю? Если б я на всё соглашалась, я бы за тебя уже кучу докладов написала! Не скажешь, зачем — не помогу.

Ли Жуй, выведенный из себя, топнул ногой:

— Ладно, скажу! Ничего страшного! Мы... кое-кто из нас прознал, что завтра туфаньские послы покидают столицу, и решили их перехватить. Пусть знают, что принцессу Великого Тан не всякому сватать! Я ради тебя это затеял, а ты ещё ломаешься!

Я и не думала, что именно беспечный Ли Жуй решит за меня заступиться. Сердце ёкнуло от тепла, но тут же сжалось от тревоги.

— «Кое-кто из нас» — это кто? Брат, не делай глупостей.

Ли Жуй ослабился:

— Не твоя забота. Только прикрой.

Я в волнении ухватила его за рукав:

— Не смей! Дела меж государствами — не шутка. Узнают тебя — что тогда? Не узнают, но ранят — что тогда?

Ли Жуй вскочил и зашагал к выходу, бросая на ходу:

— Мы не настолько глупы, чтобы светиться. Я уже велел приготовить тюдзюэскую одежду. Завтра отдубасим их — и всё на тюдзюэ спишем. Двойной удар!

Я засемила следом, пытаюсь уговорить, но, взглянув вперёд, заметила чей-то силуэт и резко замолчала, отчаянно мигая Ли Жую. Тот же, ничего не замечая, продолжал хвастать:

— Жди да смотри! Мы тебе не только отомстим, но ещё и тюдзюэ с туфанью поссорим. Один

выстрел — двух зайцев... Ты чего глазами хлопаешь? Брату не веришь? Я тебе говорю...

Видя, что он не внемлет, я нарочно громко топнула и кашлянула. Ли Жуй наконец почувал неладное, но не оборачиваясь, пробормотал:

— Дела у меня, пошёл я...

И рванулся в сторону, но голос матери уже настиг его:

— Шестой брат, разве не с Сыцзы беседовал? Почему же, не договорив, уходишь?

Ли Жуй с натянутой улыбкой повернулся и приблизился к матери:

— Отвечаю матушке: новые подчинённые мне незнакомы, вот я и задумал устроить пир, чтобы сойтись поближе. Они, поди, уже ждут, не прийти — неловко.

Матушка спросила:

— Пир в такой час? Небось, ночевать во дворце останутся? В страже Цзинью заявку подал?

Ли Жуй замялся:

— Место у Цуй Чжисюня занял...

Матушка приподняла бровь. Ли Жуй пробормотал:

— Чутьочку посижу — и назад, до комендантского часа.

И, видя, что мать молчит, поспешил добавить:

— Да ничего важного, в сущности. Если матушка не велит, я Ван Юаньци скажу — пусть отменяют. В другой раз, в Чертоге Удэ соберёмся.

Он скосил глаза на мать:

— Как матушка полагает?

Матушка ответила:

— Ты уже князь, со своим домом. Что можно, что нельзя — должен разуместь сам. И такой уже большой — всё к матери бегаешь спрашивать.

Мы с Ли Жуюем так и не поняли, согласна она или нет. Он взглянул на меня, я еле заметно мотнула головой, и он пробормотал:

— Так точно, матушка. Позвольте откланяться.

Матушка небрежно махнула рукой:

— Ступай.

А когда он уже отходил, добавила:

— Туфаньцы в столице последнее время бесчинствуют. Судьи Чанъани и Ваньяня многих переловили. Ты, как правитель округа Юнчжоу, представь завтра доклад — как с этим быть.

Ли Жуй застыл, затем немедля ответил:

— Будет исполнено.

И, сложив руки, ретировался.

Матушка, дождавшись, пока он скроется, медленно направилась во внутренние покои. Видя, как она устала, я поспешила поддержать её. Матушка слабо улыбнулась мне, оперлась на мою руку и, идя, спросила:

— А что такое правитель округа Юнчжоу — знаешь?

Этот вопрос был мне по силам.

— Округ Юнчжоу — это столичная область. Правитель округа Юнчжоу — чиновник, управляющий всей столицей. По обычаю, его должность занимает кто-то из циньванов.

Матушка кивнула:

— А какой у него ранг? Где на приёме стоит?

Я сообразила:

— На приёме — по собственному рангу. Шестой брат — циньван, ранг у него первый.

Матушка с улыбкой взглянула на меня:

— Сообразительная. А скажи-ка: в каких областях ставят правителей, а в каких — цыши?

Я ответила:

— В столице и Восточной столице — правителей, в остальных — цыши.

И, опасаясь, что она спросит о рангах, поспешила добавить:

— Цыши высшего округа — с третьего ранга, среднего — с четвёртого высшего, низшего — с четвёртого низшего.

Матушка к тому времени уже вошла во внутренние покои и опустилась на главное сиденье. Она смотрела на меня неспешно:

— А какие округа считаются высшими, какие средними, а какие низшими?

В Поднебесной Великого Тан более трёхсот округов. Я и названий-то всех не запомнила — откуда мне знать их классификацию? Я устала на мать и пробормотала:

— Округ Юнчжоу и округ Ло — наверное, высшие. Округ Бин... округ Бин тоже высший.

Матушка сказала:

— Юнчжоу и Ло — столичные округа, они вне этой градации. Вот потому я и велю тебе учиться у Ваньэр. Она всего на год старше, а округа и уезды Поднебесной знает на семь-восемь частей из десяти. Когда являются чиновники — будь то из округов или уездов — ей стоит один раз взглянуть, и она всех запоминает. А ты с малолетства в Чертоге Сюаньчжэн да Чертоге

Цзычэнь бываешь, а даже родные места нескольких главных министров запомнить не можешь.

Если прежде я и питала к Шангуань Ваньэр некоторое восхищение, то теперь в душе зашевелилась неприязнь. С тех пор как она поступила к матери, та постоянно ставила мне её в пример. Я понимала, что это ради моего же блага, но на душе было неприятно, и я с досадой выпалила:

— Знает она много, а всё равно всего лишь казённая рабыня. Я ничего не знаю, зато я принцесса. Буду исполнять свой долг — и роскошная жизнь мне обеспечена.

<http://bllate.org/book/16278/1465970>